

верится о мѣрахъ, какія противъ этого приняты. Потрудитесь съ слѣдующею же почтою извѣстить меня, какія вы приняли въ данномъ случаѣ мѣры. Вѣдь это ужъ, какъ видите, выговоръ, нагоняй выходитъ. А за что? позвольте узнать. Какія такія мѣры я могу принять противъ засухи? Что у меня, каналы что ли оросительные проведены или съ пожарными трубами я буду ѣздить по полямъ и поливку производить? Думалъ, думалъ, что отвѣтить на эту загвоздку, цѣлыхъ два дня думалъ,—а не отвѣтить нельзя, знаю, что за это хуже будетъ,—взялъ, Господи благослови, и написалъ: противъ засухи, за отсутствіемъ другихъ средствъ, предписано было священникамъ совершать молебствія на поляхъ о бездождіи, а крестьянамъ чрезъ волостныхъ старшинъ предложена была поливка полей, гдѣ таковая окажется возможною, и устройство для будущаго времени правильного орошенія... Ну, думаю, что будетъ, то будетъ. Если здраво-то разсудить, то отвѣтъ мой, какъ бы вамъ это сказать?—да просто былъ отвѣтъ довольно глупый, потому что какая такая поливка и какое такое правильное орошеніе возможны у насъ въ уѣздѣ? Дебри у насъ, лѣса, болота... А между тѣмъ кривая вывезла,—въ примѣръ даже меня поставили другому исправнику, который не нашелся что отвѣтить»..

По части беллетристики въ разсматриваемой книгѣ необходимо остановиться на рассказѣ г. Антона Чехова—«Огни». Автору, несмотря на общепризнанный за нимъ талантъ, проявившійся въ его маленькихъ газетныхъ рассказахъ, не удаются большія вещи. «Огни» еще слабѣе, чѣмъ «Степь», о которой такъ много говорилось. Для не читавшихъ рассказа пе-

редаемъ коротко его содержаніе. Авторъ (или лицо, отъ котораго ведется рассказъ) запоздалъ на охотѣ и заночевалъ въ деревянномъ баракѣ на строящейся желѣзной дорогѣ у инженера Ананьева и его помощника, студента фонъ-Штенбергъ. Студентъ, подвліяніемъ ночной торжественной картины, вдался въ размышленія такого рода, что «когда-то на этомъ свѣтѣ жили филистимляне и амалигитяне (почему о нихъ вспомнилъ студентъ въ Южной Россіи, Богъ вѣсть!), вели войны, играли роль, а теперь ихъ и слѣдъ простылъ. Такъ и съ нами»... Инженеръ посоветовалъ ему эти мысли бросить. А потомъ, въ доказательство того, что «пессимизмъ» не ведетъ къ добру, рассказалъ по правдѣ сказку довольно грязную и пошлую исторію, какъ онъ, самъ будучи «пессимистомъ», соблазнилъ весьма наглымъ образомъ одну даму, свою старую знакомую. При чемъ же тутъ пессимизмъ?—спроситъ читатель невольно. Исторія инженера ровно никакого дѣйствительнаго отношенія къ пессимизму не имѣетъ. Правда, авторъ увѣряетъ, что «кто знаетъ, что жизнь безцѣльна и смерть неизвѣстна, тотъ очень равнодушенъ... къ понятію о грѣхѣ»,—но только это очень произвольное положеніе. Если взять исторію оболъщенія безъ всякаго пристегиванія къ «пессимизму», то и тогда ровно ничего не выходитъ. Ананьевъ въ обрисовкѣ автора мало характеренъ, его дама—еще менѣе, сама исторія—верхъ безцеремонной непринужденности. «Атаки» героя, со всею обстановкой, нисколько не поучительны, возбуждаютъ въ читателѣ непріятное чувство, но не чувство отвращенія къ пороку.

Аристарховъ.